

Дакиа Дежон

ПОД НЕБОМ ПАРИЖА

Dana Delany

ПОД
НЕБОМ
ПАРИЖА

ПЛЕЙЛИСТ

1. THE WEEKND — «Often (Kygo remix)»
2. Maribou State feat. Holly Walker — «Tongue»
3. Redd Carter — «The Side of Heaven»
4. Flora Cash — «You're Somebody Else»
5. Kailee Morgue — «Siren»
6. Jaira Burns — «Goddess»
7. FLETCHERr & Kito — «Bitter (feat. Trevor Daniel)»
8. SAINT JHN & Janelle Kroll — «Lust»
9. Two Feet — «Go F* Yourself»
10. Bryson Tiller ft. THE WEEKND — «Broken Record»
11. Two Feet — «I Feel Like I'm Drowning»
12. Hurts — «Somebody»
13. Michele Morrone — «Drink Me»
14. Chase Atlantic — «Swim»
15. Jaymes Young — «Infinity»

ПРОЛОГ

НОЧЬ ОПУСКАЕТСЯ на город огней, и в этой ночи во всем великолепии горит башня, компанию ей составляют многочисленные фонари. Теплый воздух обдувает лицо, и я закрываю глаза. Здесь шумно. Гул голосов и смех заполняют мою голову, а снизу, с Елисейских Полей, доносятся звуки машин. Антуан, мой отчим, решил отпраздновать юбилей моей мамы в панорамном ресторане MUN.

Здесь только наша семья: одно из правил пандемии — сократить свои контакты и встречи с посторонними людьми. Но нам это не мешает наслаждаться вечером. Это место покоряет открывающимся обзором: Париж как на ладони, башня и вид на одну из самых красивых улиц мира. Романтика, эстетика, даже что-то притягательное и сексуальное чувствуется вокруг. Кухня здесь азиатская, винная карта и коктейли, как это принято в таких местах, — на уровне. Я знаю все досконально, потому что сама предложила это место для вечеринки. Оно не туристическое, скорее идеально подходит для светского мероприятия или дня рождения моей мамы, любительницы роскоши и красоты. А еще это место идеально подходит для романтиков: разве можно смотреть на такую панораму и не жаждать любви?

Париж по праву считается городом любви. Он тот самый мужчина-ловелас, этакий Казанова. Нахаль-

ный, смешливый и такой беззаботный. Влюбляет в себя каждой улочкой, каждым зданием. Умело играет с женскими сердцами. Ты можешь изо всех сил сопротивляться, набивать себе цену и вертеть носом, гнусаво повторяя: «Jamais!»* Но этот город все равно не оставит тебе шанса. Париж вытащит козырь — вот такой вид... И ты падешь, как пали все до тебя. Тебе захочется иметь рядом того самого человека, которого можно крепко обнять и сладко поцеловать. Того самого, кому ты захочешь рассказать о сокровенном и с кем можешь мечтать, летать в облаках и купаться в любви.

Я открываю глаза и отворачиваюсь от этого вида. Ищу того самого человека. Он стоит рядом с моим отчимом. Густые светлые волосы в легком беспорядке. Голубые глаза сосредоточенны, губы сжаты в тонкую линию. Он снял пиджак и подвернул рукава белой рубашки. На руках выступают вены, на запястье поблескивают красивые, элегантные мужские часы. Он внимательно слушает отца, периодически хмурится. Что-то отвечает. Мне кажется, они спорят. У него в руках бокал с нетронутым шампанским. И он возвращает его на поднос проходящего мимо официанта, не сделав даже глотка.

Я продолжаю его разглядывать: вокруг глаз у него появились мелкие морщинки, но они очень ему идут. Морщинки-смешинки. Ощущение, что глаза улыбаются, хотя я знаю, что это не так. Опускаю взгляд на его шею. На красивую мужскую шею с немного выпирающим кадыком. Его кожа кажется загорелой

---

* Никогда! (*фр.*)

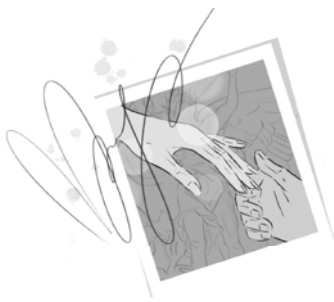
на фоне белой рубашки. И все, что мне хочется сделать, — это подойти и крепко обнять.

Он чувствует мой назойливый взгляд, и мы встречаемся глазами. Его кристально-голубые и мои темно-зеленые. Кто первый смутится? Кто первый сделает вид, что наша игра в гляделки ничего не значит? Я выпрямляю спину и продолжаю нахально смотреть на него. «Нравится то, что видишь?» — спрашивает мой взгляд. Он продолжает смотреть. Я хочу заметить в его глазах заинтересованность или хотя бы намек на комплимент. Но он словно робот: не демонстрирует никаких чувств. Я знаю, что выгляжу притягательно. На мне черный пиджак, а под ним — ничего. Лишь золотая монетка на тоненькой цепочке украшает ложбинку груди. Та грань, когда все еще не вульгарно, но чертовски соблазнительно. Сексуально. Но в его взгляде пусто... Проходит еще секунда пять, и он отворачивается. Он не выдал ни единой эмоции. Несокрушимое равнодушие, которое ударяет по моему эго вновь и вновь.

Знакомьтесь: Александр дю Монреаль. Мой сводный брат. Он старше меня на пятнадцать лет и не дает забыть об этом. Бесчувственный робот, в словаре которого нет слов «любовь» и «привязанность». Зато есть слово «страсть». И я планирую напомнить ему о нем.

ГЛАВА 1

Я ЛЮБЛЮ ВОЗВРАЩАТЬСЯ в Париж. Каждый город, в котором я жила, меркнет по сравнению с ним. Нью-Йорк слишком большой и лишен всякого шарма, по крайней мере для меня. Лондон тоже большой и слишком серый. Женева, наоборот, слишком маленькая и чересчур чистая. Рим слишком яркий и очень шумный. И лишь в Париже все идеально. Серость, шум, яркость, размер, эстетика. Всего вдоволь, все на своих местах.

Частный самолет моего отчима подлетает к аэропорту Ле-Бурже, и я не могу унять волнение в груди. Три года... Я не была дома три года. У меня будто есть некая традиция уезжать на пару месяцев и возвращаться спустя несколько лет. В пятнадцать я уехала со своей сводной сестрой в Индию, затем нас занесло в швейцарскую частную школу, и лишь спустя два года мы наконец вернулись с ней во Францию. Но для меня это ненадолго. В восемнадцать я уехала в Англию, если быть точнее, в Оксфорд, где поступила на факультет международного права в одном из лучших университетов мира. Сейчас я обладатель диплома бакалавра и возвращаюсь домой, чтобы... Чтобы не знаю что. По-хорошему, надо поступать в магистратуру, но я так устала учиться... Хочется сделать передышку и через год начать грызть гранит науки с новыми силами и искренним рвением. К тому

же я слишком долго не была дома. Никогда не думала, что тоска может быть столь сильной.

— Мадемуазель, мы приземлились, — вежливым тоном и с учтивой улыбкой сообщает мне стюардесса.

Она в маске и перчатках. Я тоже натягиваю свою и делаю шумный вдох: «Привет, новая реальность!»

— Благодарю, — глухо отвечаю сквозь ткань.

Я беру свою сумочку и направляюсь к выходу. Мой багаж уже грузят в машину. Сверкающий «мерседес» стоит прямо около самолета, об него облокотился отчим с букетом белых роз. Мама рядом с ним нет; уверена, она и не подумала о том, чтобы меня встретить. Зато Антуан со сверкающей улыбкой крепко обнимает меня:

— Ну наконец-то! Сколько можно жить в этой Британии, пока я умираю здесь от скуки?

Мама вышла за него, когда мне было двенадцать. Он никогда не просил, чтобы я называла его папой. Никогда не воспитывал и не был со мной строг. Антуан всегда оставался другом и человеком, который поддержит любую мою идею, любое начинание.

— Вот только не говори, что скучал без меня, — отзываюсь я и не могу подавить улыбку — так рада видеть его.

— Без тебя этот город потерял все краски, — тут же отвечает он и открывает мне дверцу машины. — Прыгай. Твоя сестра Эстель замучила меня сообщениями. Ждет тебя. Но я специально не взял ее с собой — хотел быть твоим единственным встречающим!

Я забираюсь на заднее сиденье, снимаю маску и достаю из кармана антисептик. В салоне автомобиля

появляется запах спирта. Антуан садится рядом и рассматривает мое лицо.

— Прекрасно выглядишь, Марион, — резюмирует он и добавляет, обращаясь к водителю: — Поехали, Тибо.

Машина трогается с места, а Антуан продолжает рассматривать меня.

— Как там на границе? Не сильно тебя мучили?

— Ты прислал за мной самолет... Мне даже не проверили температуру. Я передала стюардессе копию французского паспорта и копию своего теста, сделанного еще вчера. На этом все.

— Ну и славно!

— Наверное, нужно будет сдать тест и по бытнии.

— Позвоню нашему врачу, он возьмет у тебя все необходимые анализы.

— Спасибо...

— О дивный новый мир, — со смешком говорит Антуан.

Я закатываю глаза:

— Давай сменим тему, уже слышать не могу об этом вирусе.

— Полностью согласен. Ну, рассказывай, какие планы? Надолго ли ты к нам? Подала уже документы в магистратуру?

Все, что нужно знать обо мне: я практически никогда не делюсь своими планами, не спрашиваю советов и не веду бессмысленные беседы а-ля что мне делать со своей жизнью. Я всегда точно знаю, чего хочу и как этого добиться. Поэтому моя семья чаще всего узнает о свершившемся постфактум.

— Никаких. Этот год я отдыхаю от учебы. По-скорее хочу устроиться стажером, набраться опыта, понять, как использовать полученные знания на практике. И разобраться, нравится ли мне это вообще. Если нет, то на мастера* я поступаю в какую-нибудь другую сферу.

Антуан одобритительно кивает:

— Правильно, опыт работы очень важен. Алексу в офис как раз требуются новые сотрудники. Думаю, он с радостью возьмет тебя на стажировку.

При упоминании имени сводного брата я покрываюсь мурашками. Ненавижу себя за собственную реакцию. Сцепляю руки в замок, стараясь скрыть нервозность:

— Не нужно говорить Алексу. Я хочу сама найти фирму.

— Что за глупости? Какую фирму ты будешь искать? У нас есть правовой отдел, там и наберешься опыта. Если хочешь в другой отдел — будешь набираться опыта там. Все, что твоей душе угодно!

— Я не уверена, что хочу остаться в Париже.

Антуан хмурится, сжимает губы в тонкую линию.

— Надоело, — тихо выдыхает он, — надоело, что ты постоянно где-то. Даже на Рождество не приезжаешь. Это никуда не годится.

---

* Во французской системе высшего образования существуют три ступени: лисанс (бакалавриат), степень мастера (магистратура) и степень доктора (аспирантура). Есть и другие уровни, в зависимости от особенностей обучения в профессиональной сфере. *(Здесь и далее примечания редактора, помимо отмеченных особо.)*

Мой отчим из тех, кто чтит семейные традиции: устраивает семейные ужины, посиделки, поездки. Семья для него всегда на первом месте.

— Ты же знаешь, что мой дом — это твой дом, Марион? — Он смотрит мне прямо в глаза. — Ты моя дочь. Такая же, как Эстель. Ты же это знаешь?

В его взгляде плещется сожаление, будто он винит себя в том, что я не хочу остаться, и мне становится стыдно.

— Я знаю, и у меня никогда не было в этом никаких сомнений, — честно отзываюсь я.

Это чистая правда, я дочь Антуана дю Монреала, который в мои двенадцать лет стал для меня хорошим другом. Хотя я и ношу другую фамилию, но мой отец — именно он.

— Ну так оставайся... Ситуация в мире сейчас нестабильная. Экономический кризис, пандемия, в конце концов. Не время уезжать.

— Я подумаю...

Он берет меня за руку и крепко ее сжимает:

— Подумай, моя дорогая. Подумай. Мы очень скучаем по тебе.

Я отворачиваюсь к окну. В горле стоит ком, ведь я тоже дико соскучилась по всем. Но есть один человек, видеть которого я не хочу до конца своей жизни. И этот человек — часть нашей семьи. От этого не убежать и никуда не деться. Разве что в другую страну, где нет ни семьи, ни его. Хотя я и так три года оставалась вдали. Больше не могу. Слишком сложно так долго находиться далеко от дома.

Мы проезжаем мимо мостов, набережной и Эйфелевой башни. Какая же красота, как же прекрасен

этот город! И как же сильно я скучала по этим улицам...

Водитель останавливается у нашего дома, учтиво открывает мне дверь, затем вытаскивает чемодан из багажника.

— Спасибо, — благодарю я его.

Он вежливо улыбается:

— Добро пожаловать домой, мадемузель.

Я делаю глубокий вдох — в воздухе пахнет мокрым после дождя асфальтом. Свежесть наполняет легкие. Окидываю взглядом здание, в котором жила с двенадцати лет. Оно ни капельки не изменилось. Впрочем, это Париж. Здесь крайне редко что-то меняется.

— Вам помочь с багажом?

Я бросаю взгляд на свой маленький чемодан на колесиках:

— Нет-нет, он практически пустой.

Услышав это, Антуан хмурится:

— Давай, Марион, пошли в дом.

Я тяну за собой чемодан. Мы заходим в лифт и поднимаемся на последний, шестой этаж. Когда барон Осман делал проект реконструкции Парижа, они с Наполеоном решили, что шесть-семь этажей — это максимальная высота зданий. Казалось, что так город будет выглядеть гармонично и элегантно. Им это удалось. Крайне редко в Париже встретишь здание выше, поэтому все они смотрятся так пропорционально.

Лифт останавливается на шестом этаже. Антуан, будучи истинным джентльменом, забирает у меня багаж и приоткрывает передо мной дверь лифта.

Входная дверь квартиры резко открывается, и на меня неожиданно налетает с объятиями Эстель — моя сводная сестра.

— Ну наконец-то! — пищит она на всю лестничную площадку; повезло, что здесь только одна квартира — наша. — Я так скучала по тебе, глупышка!

Она обнимает меня так крепко, что начинают болеть плечи. В глазах стоят непрошенные слезы: я тоже сильно соскучилась.

— Давайте заходите, — посмеиваясь, торопит нас Антуан.

Эль хватает меня и тащит внутрь.

— Дай помыть руки! — возмущаюсь я и бегу в ванную в коридоре.

Эль следует за мной:

— Господи, неужели ты правда здесь! Три года, Марион! Как ты могла уехать на три года?

— Не говори так, словно эти три года мы вовсе не виделись. Этой зимой, например, кое-кто навещал меня в Оксфорде, — решаю пошутить я.

Она меряет меня взглядом:

— Еще бы. Если бы я не приезжала к тебе, то мы бы не виделись вообще!

Мы выходим в коридор, и я качаю головой:

— Неправда...

— Правда!

— Девочки, не спорьте, — вмешивается моя мама и точно так же, как и Эль, набрасывается на меня с явным намерением задушить на радостях. — Марион, ты совсем обнаглела! — причитает мама и крепче стискивает меня в объятиях. — Разве можно не

приезжать домой столько лет? Как ты вообще до такого додумалась?

— Мам, не начинай, — прошу я и обнимаю ее в ответ.

Каждый наш телефонный разговор заканчивался этими словами. Она так отчаянно пыталась заставить меня вернуться, что становилось не по себе. Вначале мама мило и по-доброму уговаривала, спустя какое-то время начала злиться, и на смену уговорам в конечном итоге пришли угрозы и ультиматумы. Но ничего из этого не сработало. Лишь в конце этого учебного года я поняла, что выжата как лимон и что мне необходимо приехать домой. Сдерживать тоску уже было невозможно. Семья. Всего пять букв, но сколь многое скрывается за ними.

— Ты так похудела, — оглядывая меня, замечает мама, — вся осунулась и выглядишь уставшей.

— Не начинай, Мари, — перебивает ее Антуан. — Выглядишь восхитительно, — тут же добавляет он, поворачиваясь ко мне.

Но я знаю, что это не так. Круги под глазами почти черные, цвет лица серый. На мне черная толстовка и широкие штаны, а на ногах кеды, которые я тут же снимаю и ставлю в самый угол обувницы, чтобы они не сильно бросались в глаза. Эстель тоже смотрит на меня с беспокойством. Она знает, что толстовки я ношу, только когда мой моральный дух опускается на самое дно. А кеды на мне, наверное, и вовсе увидела впервые.

— Я пойду прилягу — правда устала, — произношу я, чувствуя, насколько опустошена после перелета и такого бурного приветствия.

— Конечно-конечно. — Антуан отступает, позволяя мне пройти.

Мама хочет что-то сказать, но он останавливает ее и жестом показывает: «Тихо!» Я благодарна ему за чуткость.

— Я с тобой, — тут же вмешивается Эль и берет меня под руку.

Антуан при всем желании не сможет ее удержать, о чем прекрасно знает, и поэтому даже не пытается.

Мы проходим в мою комнату. Я оставляю чемодан прямо у двери и, не раздеваясь, падаю на кровать. В комнате чисто, пахнет свежим бельем, а на прикроватном столике в вазе стоят чудесные пионы. Здесь ничего не изменилось. Все мои вещи лежат так, как я их оставила. На стенах фотографии и постеры. В комнате все на месте. Будто я и не уезжала. Только не хватает моего вечного беспорядка, хаотически возникающего то в углу комнаты, то на столе, то в платяном шкафу. Но совсем скоро и это изменится. Мне нужен один вечер.

Я делаю глубокий вдох. Так приятно находиться дома... На глазах выступают слезы, и я зажмуриваюсь.

— Что с тобой, Мар? — Эстель тоже ложится на кровать. Ее светлые волосы рассыпаются по подушке рядом с моими каштановыми.

— Устала, — честно признаюсь я. — Учеба — это ад на земле. Особенно учеба в Оксфорде.

— Тогда стоит порадоваться тому, что это позади!

— Ага...

— Ты же не планируешь поступать там в магистратуру? Ты же не бросишь меня снова?